

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан

Ассасин

Ирина Котова

Королевская кровь. Сорванный венец

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора

Ольга Хусаинова

Академия Зла. Испытание ведьмой

Нина Бархат, Марина Багирова

Присвоенная

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади

Лесса Каури

**ЗОЛУШКИ ИЗ ТРАКТИРА
НА ПЛОЩАДИ**

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Натальи Горшковой

Каури, Л.

К30 Золушки из трактира на площади / Лесса
Каури. - Москва : Издательство АСТ, 2016. - 384 с. -
(Другие Миры).

ISBN 978-5-17-095834-4

Не каждая Золушка мечтает стать принцессой. Иногда бывает и по-другому. Ты — хозяйка трактира, рядом друзья, и жизнь идет своим чередом... И ты не ведаешь и не гадаешь, что сказка уже совсем рядом. Когда жизнь наполнена любимым делом, а сердце — верой в добро и заботой о людях, то счастье обязательно постучится в двери, даже если его не ждешь. В любом мире и времени найдется своя Золушка, ведь больше всего люди любят... любовь!

ISBN 978-5-17-095834-4

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Л. Каури, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2016

Маме, которая всегда поддерживала меня...

В Вишенроге зарядили дожди. Щедро поливали столичные проспекты, прихотливо извивающиеся улочки, утопающие в зелени дома знати, ремесленные и купеческие кварталы. Умытые храмы сияли белизной, золотом и лазурью под серым небом, а королевский дворец из черного камня, с влажно блестящими крышами и повисшими стягами на многочисленных башнях, казался намокшей хищной птицей, усевшейся на вершине горы над Тикрейским проливом.

На площадь Мастеровых выходили четыре улицы — Кузнечная, Гончарная, Каменная и Прачечная. Дома здесь выглядели не так значительно, как в соседнем — Торговом — квартале, но сработаны были добротнo и стояли десятилетия, заботливо подновляемые хозяевами. После Большого пожара, случившегося семьдесят лет назад и пожравшего около двух третей городских зданий, улицы вымостили заново, используя больше камень, чем дерево. С тех пор одно- и двухэтажные домики отличались лишь цветом фасадов и крыш да количеством горшков с цветами, которые во все

времена так любили домохозяйки. Улицы квартала хвастались друг перед другом палатами гильдий, на которые, казалось, ушло больше камня и вазонов с растениями, чем на остальные дома. Две палаты — каменщиков и прачек — смотрели фасадами на площадь, а между ними расположился маленький домик цвета темной охры, с углами, поросшими мхом, и крышей, на которой устраивали свидания местные кошки, привлеченные запахом съестного. Семья, купившая сгоревшую во время Большого пожара мастерскую, перестроила ее под трактир, с тех пор не закрывавший двери для посетителей в любую погоду. Гостей здесь всегда ждала горячая похлебка с ломтем вкуснейшего хлеба, свежие сыры, перепела на вертеле, уложенные в гнездышки из ароматной зелени и посыпанные кунжутом, холодное пиво или теплый морс из лесных ягод с медом, пользующийся особенным спросом в эти ветреные дни. Нынешняя хозяйка трактира, Матушка Бруни, всегда лично проверяла качество продуктов, как когда-то делала ее мать, а до нее — бабка-основательница семейного дела. За некоторыми Матушка сама ходила на рынок в сопровождении двух верных служанок, сестер Гретель, которых за глаза прозвали Гренадершами за внушительный рост и косую сажень в плечах.

В этот момент Бруни, тоскливо поглядывая в залитое потоками воды окно, выслушивала недовольный монолог повара. Пип, или, как ласково называла его Бруни, Пиппо, приходился двоюродным братом ее покойной матушке. Этот невысокий, круглый и абсолютно лысый

толстяк отличался неумемной энергией, кипящей кулинарной фантазией и резкими перепадами настроения, напрямую зависевшими от погодных условий. Он не представлял жизни без солнца и впадал в уныние в его отсутствие. Нынешнее совместное уныние повара и погоды длилось уже без малого две недели и, наконец, вылилось в истерику толстяка по поводу сорта муки для выпекания его знаменитых на всю столицу соленых булочек. Слова лились бесконечным потоком, как косые струи дождя, что барабанили в окна, шумели в водостоке и стучали по крыше.

— Брунгильда! — сердито спросил Пип, и Бруни вздрогнула — она терпеть не могла, когда ее называли полным именем. — Ты меня совсем не слушаешь!

— Я слушаю, — вздохнула она. — Давай подождем, пока немного распогодится? Я схожу к мельнику Розену и попрошу заменить партию.

Мелодично звякнул колокольчик. Дождь шагнул в открывшуюся дверь вместе с одним из постоянных посетителей. Последний, стянув с головы широкополую мятую шляпу, аккуратно встряхнул ее за порогом.

— Возвращайся на кухню, Пиппо, — ласково попросила Бруни, погладив повара по плечу, и поспешила навстречу вошедшему.

— Добрых улыбок, господин Турмалин, и теплых объятий! — радостно приветствовала она гостя — высокого сутулого старика, зябко кутавшегося в поношенный плащ. — Как ваше здоровье?

— Спасибо, дорогая, — усмехнулся тот, взяв ее под руку, — твоими молитвами и горячими обедами, что присылала мне с Ровенной, еще жив!

— Зря вы вышли на улицу, — посетовала Матушка, провожая господина к его постоянному месту — угловому столику, наполовину скрытому массивным буфетом, в котором хранились винные бокалы и столовые приборы. — Похолодало, а у вас наверняка не прошел кашель!

— Опостылело сидеть дома, — признался старик, с явным удовольствием усаживаясь на скамью, заваленную подушками разного размера. — Смотришь целый день то в окно, то в стену, из всех развлечений — визит целителя, который ничего не смыслит в медицине, да твои восхитительные лакомства. Давай я лучше здесь поболею!

Бруни с затаенной тревогой всматривалась в осунувшееся лицо, отмечая запавшие щеки, бледность и влажную испарину на лбу, круги под глазами, но ничего говорить не стала. Махнула Виеленне — сестре Ровенны, — и та, без слов понимающая хозяйку, тут же принесла поднос с кружкой дымящегося морса, плоской меда и тарелкой только что испеченных булок.

— Доброго дня, господин, это вам для затравки! — приветливо улыбнувшись, пояснила служанка. — Сегодня в обеденном меню зеленые щи, куриные колбаски с жареным картофелем или рыбный пирог. Чего желаете?

Старик оживленно потер ладони.

Оставив их разбираться с заказом, Бруни отошла за трактирную стойку и принялась протирать бокалы, поглядывая в сторону посетителя.

Григо Турмалин приходил сюда уже несколько лет. Появился однажды на пороге, будто возник из ниоткуда, — высокий, полный сил мужчина с глазами редкого золотисто-карего цвета, и громко спросил:

— А ну-ка, красавица, подскажи мне, чем это пахнет так дивно из окон заведения?

Бруни в тот момент засыпала брусничные листочки в доходящий на маленькой плитке за стойкой морс. Ароматный дымок поднимался от котелка, и сквозняк уносил его в открытые весеннему теплу окна. А со двора доносился глуховатый голос ее мужа Ральфа, чинившего телегу.

Ральф погиб в Крейской войне пять лет назад. Вслед за мужем ушли родители — Хлоя и Эдгар, которым она помогала держать семейное дело. И трактир Матушки Хлои стал трактиром Матушки Бруни, несмотря на то что «матушке» в ту пору только исполнилось девятнадцать лет. Некоторые из слуг нашли другую работу, здраво рассудив, что одинокой девушке в таком возрасте не справиться с заведением. Но она раз за разом отказывалась от выгодных предложений по продаже дела и, стиснув зубы, осваивала нелегкое ремесло трактирщицы до тех пор, пока ее имя не включили в Книгу гильдии наравне с именами родителей, а соседи по улице не стали все как один уважительно величать ее Матушкой.

Тогда Бруни почему-то решила, что Григо — маг: он был начитан и изыскан в речах, имел изящные руки человека, никогда не державшего инструмент, и созданные в ее представлении для того, чтобы делать пассы. Но время шло, а Турма-

лин старел, как обычные люди, и даже быстрее. Он никогда не жаловался на жизнь, однако Матушка замечала, как с каждым годом ветшает его одежда, тощает кошелек. Да и в прежде ясных глазах появилась какая-то безнадежная муть, затянувшая золото радужек, будто болотная тина. Бруни догадывалась, что Григо во многом отказывает себе, лишь бы приходить в трактир, наблюдать за людьми, неспешно куря трубку, и заказывать любимые блюда. Когда старик с месяц назад не явился в обычное послеобеденное время, она забеспокоилась и отправила на разведку Ровенну. А потом стала ежедневно передавать ему со служанкой обеды за счет заведения, решив, что нельзя лишать единственной радости человека, к которому жизнь явно относится не как к сыну, а как к пасынку.

Дождь утих. Небо кокетливо приоткрыло синие прорехи в серой пелене облаков. Бруни спешно переобулась из туфель в сапоги, прихватила плащ и вышла из трактира, крикнув в кухню:

— Пиппо, я дойду до Розена!

— Зонт захвати! — тут же отозвался тот.

Она упрямо тряхнула каштановыми «матушкиными» локонами и выскочила без зонта.

В воздухе висела влажная морось, а небо вновь затягивало. Следовало поторопиться, чтобы добежать до лавки и обратно.

Хозяина за прилавком не оказалось.

— Он на заднем дворе, — сообщил молодой продавец, колесом выпячивая грудь и играя бицепсами, — вдовушка ему давно нравилась, и он

не упустил случая покрасоваться перед ней каждый раз, когда она заходила в лавку.

Бруни только покачала головой и отправилась на задний двор. Они с Ральфом жили мирно и оба любили работу в трактире, однако, какое удовольствие женщины получают от плотских утех, молодая супруга знала лишь понаслышке. Возможно, проживи они подольше вместе, мужу удалось бы разбудить в ней женщину. Но он ушел на войну, а она осталась одна. И желания завести интрижку как-то не возникало. Ей это казалось неприличным, что ли. Пип давно ругал Бруни за вдовье одиночество, но попытки познакомить с сыновьями своих приятелей оставил после того, как она, глядя на него серо-голубыми отцовскими глазами, в принятых у морских бродяг замысловатых выражениях указала на тщетность подобных намерений. Отец Бруни был коком и полжизни ходил под парусами на торговых судах, поэтому девочка с юных лет усвоила, как доходчиво объяснить собеседнику, что он не прав.

Задняя дверь лавки была приоткрыта. Со двора раздавались странные свистящие звуки, сопровождаемые ругательствами.

Матушка толкнула створку и застыла на пороге, едва не сбив с ног лавочника, наблюдающего за приказчиком, который порол худого и взъерошенного мальчишку, за запястья и щиколотки привязанного к столбу. Пацан шипел, как разъяренный кот, и ругался на чем свет стоит, но покоряться не собирался.

— Будешь еще воровать у честных горожан? — спросил Розен и, не дождавшись ответа,

кивнул опустившему руку приказчику: — Дობавь пять...

Мальчишка через плечо бросил на него ненавидящий взгляд, будто полоснул кинжалом. Точнее, кинжалами — его зрачки были узкими и вертикальными, почти утопавшими в неизбывной зелени радужек. Лишь когда кнут вновь опустился ему на спину, зрачки расширились, заполнив глаза чернотой.

Оборотень!

— Приветствую, Варлен Розен! — Бруни, шагнув вперед, уверенно взяла лавочника под руку. Она была у него особым клиентом и умело этим пользовалась. — Что здесь происходит?

— Сын блудливой суки украл батон, — поморщился тот, — но был пойман. Не беспокойтесь, дорогая моя, я лишь проучу его немного и отпущу. На собачьей шкуре все быстро заживает.

Черная змея хлыста, свистнув, оставила на коже, проглядывающей через драную рубашку, набухающую кровью полосу.

— Велите это прекратить! — Бруни улыбнулась, но под взглядом ее глаз, будто грозовые тучи налившихся свинцом, лоточнику стало не по себе. — У нас срочное дело.

— Но он же...

— Сейчас же, — она продолжала улыбаться.

Розен неохотно махнул рукой, и приказчик опустил хлыст. Покорность лавочника объяснялась просто. Трактир Матушки Бруни являлся официальным поставщиком ко двору его величества Редьярда Третьего соленых булочек, в народе прозванных мерзавчиками. Рецепт отец

Брунгильды привез из своих странствий — то ли испробовал где-то в чужих краях, то ли сам придумал. Забавная закуска к пиву быстро стала известной среди простого люда, а затем слава о ней зашагала по всему Вишенрогу, пока, наконец, не добралась до королевского дворца. Редьярду понравилось удивлять гостей необычным лакомством, и он выдал владельцу рецепта пожизненный патент на поставку булочек ко двору. С тех пор раз в неделю во дворец отправлялась телега с драгоценным грузом, один запах которого вызывал у горожан обильное слюноотделение и желание тут же отведать «холодненького». А на каждой из коробок располагалась маленькая приписка о том, у каких торговцев были закуплены продукты для теста. Естественно, имя Варлена Розена значилось там первым.

Бруни кивнула на воришку:

— Развяжите.

Торговец вздохнул, но распорядился.

Когда сняли путы, мальчишка чуть не упал. Сквозь рубище проглядывали выпирающие ребра, на грязных щиколотках виднелись поджившие следы от кандалов.

Матушка подошла к нему и присела на корточки, чтобы оказаться с ним ровень.

— Почему ты украд? — спросила она, спокойно глядя в зеленющие, чуть раскосые глаза.

— Хотел жрать, — буркнул пацан, не отводя взгляда.

В этой наглости сквозило отчаянное мужество существа, давно и безнадежно противостоящего всему миру.

— Если я приглашу тебя в гости и накормлю, ты дашь мне слово, что ничего не украдешь в моем доме?

Бруни поймала себя на том, что невольно повторяет интонацию своей матери — Хлоя умела смягчать заскорузлые сердца простой и уверенной добротой.

Оборотень испытующе разглядывал неожиданную спасительницу. Кончики его ушей были немного заострены и в моменты волнения прижимались к черепу, что казалось одновременно и забавным, и устрашающим.

— Даю слово, — наконец произнес он. То ли в себе сомневался, то ли в ней? — А не обманешь? Стражникам не сдашь?

Матушка, взглянув на следы от кандалов, покачала головой. И, повернувшись к лавочнику, завела разговор о замене партии муки, будто забыв о мальчишке.

Когда они с Розеном в конце концов договорились, она неожиданно обнаружила оборотня рядом — внимательно слушающим разговор. И подумала о том, что обсуждать дела можно бесконечно, а батон парнишка так и не успел съесть!

— Ждите подводы через два часа, — сказал напоследок лавочник. — И еще раз прошу прощения за то, что мой приказчик перепутал партии для доставки!

— Бывает, — улыбнулась Бруни, на этот раз без тяжести во взгляде. Повернулась к мальчишке: — Идем со мной.

Когда они вернулись в трактир, начинало смеркаться. Григо Турмалин, сидя в своем углу,

неспешно курил трубку и наблюдал за Ровенной, зажигающей свечным огарком большую люстру. Брунгильда терпеть не могла магические светильники, предпочитая их холодному свечению тепло, копоть и мягкий оранжевый свет язычков пламени. Но на охранный противопожарный свиток для здания раскошелилась и ни разу не пожалела об этом.

Из кухни раздавались оживленные голоса. Один принадлежал Пипу, а другой — его старшей дочери Ванилле, жизнерадостной дебелий девушке двадцати восьми лет от роду, дослужившейся от простой посудомойки до Старшей Королевской Булочницы. Ее визит мог означать только одно: короля посетили нежданные гости, для которых срочно понадобилось пикантное лакомство.

— Пресвятые тапочки! — воскликнула Ровенна, увидев оборотня. — Хозяйка, кто это с вами?

Ее сестра вышла из кухни, вытирая руки фартуком, и тоже застыла в изумлении.

Оглядев габаритных сестричек, оборотень попытался было сбежать, но Бруни цепко ухватила его за плечо, толкнула в объятия подошедшей Виеленне Гретель и принялась перечислять:

— Первое — накормить, второе — отмыть и изгнать блох, третье — подобрать одежду. А потом еще раз накормить!

— Ему плохо не будет? — усмехнулась Ровенна и вернулась к люстре.

— И что с ним делать после? — недоуменно уточнила сестра.

Бруни посмотрела на мальчишку. Тот затравленно оглядывался по сторонам, словно искал